

Большевистский фронт

Орган
Работнического
райкома ВКП(б)
и районного
Совета депутатов
трудящихся

ГОД
ИЗДАНИЯ
ДВЕНАДЦАТЫЙ

№ 118 (1482) | Среда, 28 октября 1942 г. | Выходит 2 раза в неделю. | Цена 5 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: село Работки, Горьковской области, центр, улица Ленина.

ПОДНЯТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УРОЖАЙ БУДУЩЕГО ГОДА

Героическая борьба наших славных бойцов Красной Армии с проклятой фашистской немчурой на защите Сталинграда, Кавказа и на других фронтах воодушевляет работников тыла на самоотверженный труд. Развернувшееся социалистическое соревнование в ознаменование XXV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции на помощь фронту, породило небывалый производственный подъем, направленный на успешное завершение военного сельскохозяйственного года, на досрочное выполнение колхозами своих обязательств перед государством.

Несмотря на трудности военного времени, на меньшее количество рабочих рук и живого тягла, колхозы района успешно справляются с сельскохозяйственными работами, готовятся к показу своих достижений, к районной сельскохозяйственной выставке.

Однако район позорно отстает с выполнением плана зяблевой вспашки, большинство колхозов района не проявляют нужной заботы об урожае будущего года, не используют всех возможностей и благоприятные условия погоды для закладки твердого фундамента получения высокого урожая будущего года, облегчения весенне-полевых работ. Район выполнил план зяблевой вспашки лишь на 47,4 процента. Особо отстающими, позорно плетущимися в настроениях благодушия и беспечности являются колхозы сельсоветов: Черемисского, Шерменевского, выполнившие план зяблевой вспашки не более 40 процентов каждый.

Председатели данных сельсоветов (Черемисского — Летунов, Шерменевского — Звизина) по существу самоустранились от руководства этим важнейшим участком работы и не выполнили постановления Совнаркома Союза ССР о закреплении не менее 40 процентов тягловой силы на подъем зяби, за что они должны нести суровую ответственность.

Исполком райсовета своим решением снял с работы председателя Черемисского сельсовета

Летунова за недопустимо преступное отношение к своим обязанностям, за провал выполнения плана зяблевой вспашки. Председатель Шерменевского сельсовета и председатели колхозов Фадеев, Самарова, Галкин и др., присутствующие на заседании, предупреждены. Это служит серьезным предупреждением по отношению всех руководителей советов, колхозов, недооценивающих значения борьбы за успехи урожая будущего года.

В успешном завершении сельскохозяйственного года, выполнении плана подъема зяби является непременным условием к тому, чтобы колхоз, сельсовет в целом вышел в число передовых, вышел победителем в предоктябрьском социалистическом соревновании. Замечательный почин комсомола по проведению двухдекадника по подъему зяби еще не нашел должной поддержки в МТС и земельных органах района. МТС района плохо выполняют план подъема зяби, а райзо по существу не руководит, а лишь собирает сводки от колхозов по выполнению плана зяблевой вспашки. Райком ВЛКСМ (секретарь Голубева) слабо руководит комсомольскими организациями в дни двухдекадника.

Дальнейшая беспечность, недисциплинированность в вопросах борьбы за урожай будущего года нетерпимы. Партийные и комсомольские организации села обязаны взять под свое непосредственное руководство дело подъема зяби с тем, чтобы в ближайшие дни не только выполнить, но и перевыполнить районом план вспашки, поставить район в число передовых районов области, успешно справившихся с задачей завершения военного сельскохозяйственного года. Для этого имеются все условия.

Подъем зяби — одна из основных задач района. Необходимо приложить все силы, чтобы сейчас же были заложены прочные основы получения высокого урожая будущего года, как необходимого условия для разгрома немецких оккупантов.

БЕСПЕЧНЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ

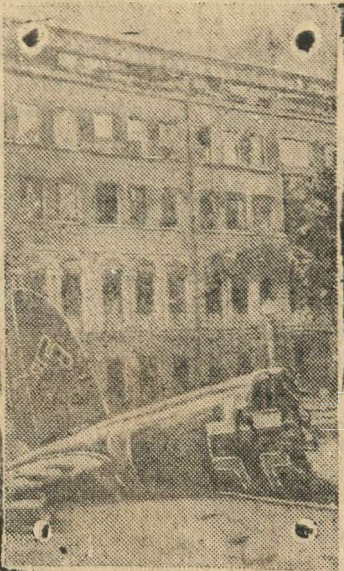
В колхозе «Новое хозяйство», Игумновского сельсовета, взмет зяби идет очень медленно. Комсомольцы и молодежь колхоза решили принять в вспашке зяби активное участие, а на другой день о своем решении забыли. План подъема зяби на 25 октября по колхозу всего выполнен на 50 процентов. В колхозе на подъеме зяби работают 4 пары лошадей из 22 рабочих лошадей. Без всякого ущерба ежедневно на подъеме зяби можно использовать 6—7 пар.

На подъеме зяби работают молодые пахары. Они выезжают в поле не раньше 9—10 часов,

тогда как работу в поле можно и нужно начинать не позже 6 часов. Правление колхоза и в первую очередь председатель тов. Морозова не позаботились об организации социалистического соревнования среди пахарей, о рациональном использовании времени пахарей, об организации двухсменной работы на вспашке зяби и общественного питания в поле.

Необходимо принять самые энергичные меры к тому, чтобы ближайшие дни были днями ударной работы по подъему зяби.

Хализов.

На снимке: Сбитый немецкий самолет на улице города Сталинграда.

Фото Э. Евзерихина.

Фотохроника ТАСС.

Черемисские очковтиратели

Колхозы Черемисского сельсовета располагая возможностями, после выполнения обязательств перед государством почти всеми колхозами, по существу еще не занимались подъемом зяби и выполнили план по зяби лишь на 40 процентов. Это объясняется тем, что в сельсовете никто не контролировал руководителей колхозов, как они выполняют решение Совнаркома Союза ССР о выделении как минимум 40 процентов тягловой силы на подъем зяби, на подготовку почвы к весеннему севу в 1943 году.

В течение 22—23—24 октября в колхозах сельсовета ни одной лошади не было занято на подъеме зяби. На 26 октября по данным сельсовета было вспахано зяби 220 га, а на 27 октября 265 га, при участии 8 лошадей т.е. в течение дня 8 лошадей вспахали 45 га зяби. Кто этому поверит? Кому нужно подобное очковтирательство? Работники сельсовета не могли дать даже правильной сводки, невольно напрашивается русская народная пословица: «Ври, да знай меру».

При попустительстве со стороны председателя сельсовета Летунова стали возможны такие действия председателей колхозов, как, например, Самарова (колхоз «Нива») уехала на целую неделю в Горький по своим личным делам. В условиях напряженной работы в дни войны подобные очковтиратели наносят серьезный ущерб общему делу, не помогают, а вредят крепить тыл советского государства. Им не место на руководящей советской работе. Правильно поступил исполком райсовета и снял с работы председателя сельсовета Летунова, но этого мало. В тяжелые дни для родины очковтирательство должно расцениваться как тяжкое преступление с ответом по законам военного времени.

ЗЯБЬ ПАХАТЬ — УРОЖАЙ ПОДНИМАТЬ

О ХОДЕ ПОДЪЕМА ЗЯБИ

РЕШЕНИЕ ИСПОЛКОМА РАБОТКИНСКОГО РАЙСОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

От 27 октября 1942 года

Учитывая, что зябь является одним из решающих мероприятий в деле повышения урожайности аровых 1943 года и значительно поможет ускорить проведение весеннего сева, колхозы Работкинского, Запрудновского и других сельсоветов за последнее время стали серьезнее заниматься подъемом зяби. Однако в целом подъем зяби в районе проходит явно неудовлетворительно, на 27 октября с. г. вспахано 47,4 процента к плану. Особенно плохо занимаются подъемом зяби колхозы Черемисского, Шерменевского и др. сельсоветов. Это объясняется тем, что председатели этих сельсоветов и колхозов не выполняют указаний ЦК ВКП(б) и СНК СССР о выделении 40 процентов тягловой силы на подъем зяби, серьезного значения подъему зяби не придают, работу на вспашке зяби темпами весеннего сева не организуют. Хуже того, председатель Черемисского сельсовета тов. Летунов вместо серьезного руководства колхозами по подъему зяби, занялся пьянкой. Это привело к тому, что колхозы Черемисского сельсовета за последнюю пятидневку вспахали всего лишь 8 га вместо 139 га по графику.

Исполком райсовета постановляет:

1. За невыполнение указанных СНК СССР и ЦК ВКП(б), отсутствие должного руководства колхозами, срыв выполнения плана подъема зяби и систематическую пьянку, председателя Черемисского сельсовета тов. Летунова с работы снять и привлечь к уголовной ответственности. Предупредить председателя Шерменевского сельсовета тов. Звизину, что если она не примет крутых мер по усилению подъема зяби, то к ней будут приняты суровые меры воздействия.

2. Ввиду того, что отмеченные недостатки по организации подъема зяби в Черемисском и Шерменевском сельсоветах имеют место в колхозах других сельсоветов, обязать председателей сельсоветов проверить все колхозы по выделению ими 40 процентов тягловой силы на подъем зяби, организовать подъем зяби темпами весеннего сева, чтобы ежедневно выполнялись установленные графики каждым колхозом. При этом добиваться высокой производительности труда пахарей и работы в светлые ночи при высоком качестве.

3. Предложить директорам МТС т.т. Лапкину и Чецурину все тракторы, не занятые на молотбе, использовать на подъеме зяби, организовать работу в две смены.

Председатель исполкома райсовета

С. РАССАДИН.

Секретарь исполкома райсовета

А. МИРОНОВА.

РАБОТАТЬ НА ПОЛЕ ОТ ТЕМНА ДО ТЕМНА

Идет вторая декада объявленного по почину передовых комсомольских организаций фронтового двухдекадника по взмету зяби.

Однако в ряде сельсоветов и колхозов района комсомольцы и молодежь плохо участвуют в выполнении плана зяблевой пахоты. Комсомольская организация колхоза «Ударник» (секретарь Киселева) не организовала молодежь на вспашку зяби, в результате чего в колхозе вспахано только несколько гектар зяби. Не лучше обстоит дело с взметом зяби в колхозе «Парижская Коммуна». Секретарь комсомольской организации, она же и бригадир, Вахолкова не мобилизовала комсомольцев и молодежь колхоза. Комсомольская организация Ляписского сельсовета отмахнулась от мобилизации молодежи на зяблевую вспашку, а секретарь организации, член пленума РК ВЛКСМ т. Чуркина проходит мимо этого участка работы. В этих организациях пахары не выполняют нормы, плохо используют свой рабочий день, тратят драгоценное время на лишние переезды, на ходьбу и т. д.

Долг сельских комсомольцев — добиться, чтобы в каждом колхозе пахары выезжали в поле ранним утром и заканчивали работу затемно. Примером того, как нужно беречь каждый час, каждый рабочий день, должны быть сами комсомольцы.

Дело молодых хозяев позаботиться о том, чтобы пахарям в поле доставлялся обед, чтобы на случай поломок были запасные лемеха, упряжь, чтобы нагорновцы во время получали для смены лошадей.

«Весенний день кормит год» — говорят в народе. Не в меньшей мере это относится к осенним трудовым дням, когда идет подготовка к урожаю будущего года. Надо помнить, что каждый вспаханный гектар зяби повышает урожай.

Предоктябрьское социалистическое соревнование

ОНА ДЕЛОМ ПОМОГАЕТ ФРОНТУ

Вступая в предоктябрьское социалистическое соревнование бригадир тракторной бригады комсомолка-трактористка Клавя Чеснокова обязалась в дни комсомольско-молодежного двухдекадника вспахать 100 га земли. В тяжелых условиях работает комсомолка Чеснокова. Дождь, ветер часто мешают работе. Однако Клавя не считается ни с погодой, ни с временем работает днем и ночью, выполняя взятые обязательства. Ежедневно при норме 6 га Клавя вспахивает 8,5—9 га земли, выполняя ежедневную норму на 140—150 процентов. За 15 дней двухдекадника молодая трактористка вспахала 101 гектар земли, пере-

поднив свое обязательство. Высокой производительности труда трактористка Чеснокова добилась благодаря образцовой дисциплине, отсутствию поломок и правильной организации труда. Клавя мобилизовала всю молодежь бригады на вспашку земли. Даже учетчики бригады все свободное время проводят в поле. Молодая трактористка соревнуется с трактористом Калашниковым. В соревновании Клавя Чеснокова занимает первое место, образцово выполняя взятые на себя обязательства, зная что она выполняет свой долг перед родиной, перед фронтом.

Штурмина.

СКОТУ ТЕПЛУЮ И СЫТУЮ ЗИМОВКУ

Вступая в предоктябрьское социалистическое соревнование коллектив наших ферм обязался к XXV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции образцово подготовиться к зимовке скота.

К подготовке помещений для стойлового периода наш коллектив начал готовиться задолго до наступления осени. Сами женщины своими силами отремонтировали и побелили скотные дворы, очистили стойла. На всю зиму наш скот полностью обеспечен сочными и грубыми кормами. Силами своего коллектива мы произвели обмер имеющихся стогов сена. По составленным планам и месячным ведомостям на стойловый период потребуется 94 центнера концентратов, 1550 центнер сочных кормов, 989 центнер сена и 868 центнер грубых кормов. В колхозе имеются корма в гораздо большем количестве, так что на зиму скот нашего колхоза полностью обеспечен кормами.

По молокопоставкам и мясным поставкам наш колхоз полностью рассчитался с государством и сейчас мы уже выполняем молокопоставки за 1943 год.

Приближается XXV годовщина Великой Октябрьской революции. Коллектив работников наших ферм к этому великому празднику всего советского народа приходит с высокими производственными показателями своего труда, с самосознанием того, что они честно выполнили свой долг перед родиной в суровые дни войны.

О. П. Павлова—зав. фермами колхоза „Заря“.

Ход хлебопоставок и картофелепоставок по району (по сельсоветам).

Сводка

уполнаркомзага на 27 октября 1942 года
(в процентах к годовому плану).

Наименование сельсоветов	Хлеб	Картофель
Работкинский	100	72
Бадницкий	99,7	72,6
Черемисский	96,1	97,3
Слободской	95,9	70,3
Запрудновский	92,2	55,3
Подлесовский	92	63,3
Шерменевский	90,1	50,3
Бисловский	89,9	41,6
Лопатищинский	83	60,8
Семовский	83	69,2
Варварский	82	66,2
Малиновский	73,9	59,3
Игуновский	70,5	62,5
Ляписский	64,3	36,9
Итого по району	82,4	59,6

ПРИМЕЧАНИЕ: Проценты по картофелепоставкам даны с учетом всех видов заготовок: колхозники, служащие и т. д.

Школа ненависти

(От военного корреспондента „Правды“).

Он подполз ко мне по сухой истертой соломе, тронул рукой шинель и спросил:

— Не спишь? Дай огоньку. Закурим.

Мы,—пожилой усатый сапер с орого паром, раненый в плечо девушка, санитар-инструктор из медсанбата, и я,—сидели в тесной, врытой в крутой сталинградский берег, землянке возле переправы, ожидая, пока на том берегу покатит разбитый снарядом паром. Паромщик нервничал, поминутно выбегал наружу. Ему было страшно досадно, что он здесь, не может принять участия в починке, и, чтобы занять время, он в третий раз принялся разбирать и чистить старую свою винтовку.

— Так закурим, что ли? Не куришь? Вот это правильно. Я вот тоже 47 лет не курил, а вот на 48-й не вытерпел. Здесь вот в Сталинграде, и закурил... Тут закурить. Я за эти два месяца тут на переправе такого насмотрелся, что вы оба, даром что военные, за всю жизнь, наверное, не видели. Право.

Он закурил бестыную, неуклюже свернутую цыгарку и, глядя на ее огонек, точно не рассказывая, а думая вслух, продолжал:

— Я человек тихий. Работа у меня была тоже тихая. Старатель я, золото в артели мыл. Сам-то я с Урала, значит. Так вот я бывало даже на охоту ходить не любил, хоть мы все охотники, из-за того, что на кровь я не мог смотреть спокойно. И если охотиться доводилось, ладил зверя или там птицу бить наповал, чтобы не смотреть, как она трепыхается. И вот, когда я попал на войну, очень обрадовался, что назначили в понтонную часть, потому что понтонерам стрелять мало приходится. Я все не представлял себе, как это и вдруг да в человека выстрелю. Я тогда немца человеком считал.

В августе приехали мы сюда, на этот самый берег, наводить запасные переправы. Навели мы свою переправу и пошли город смотреть. Расчудесный город, сердце радуется—чистый, просторный, а какие дома, а магазины, а улицы?! Все для трудящегося человека. Нашли мы дом, где был сталинский штаб. Доска на нем была прибита. Постояли перед этим домом, и, хотя мы саперы и стрелять нам приходится редко, лестно нам было, что мы такой город защищать будем, который именем Сталина зовется, который сам Сталин защищал. А день был воскресный, ясный. Ребятишки на бульварах в песке копались, девчата и бабы в ярких платьях по улицам гуляли. И вот, понимаете, в этот самый тихий воскресный день вдруг со всех сторон налетело сто немецких самолетов. И ну мирный город бомбить, прямо по улицам, по жилым домам, квартал за кварталом.

Видел я однажды в детстве, как в сухой год тайга горела. Несмысленным был, а все как есть помню: и как пламя ревели, и как дичь из лесу со страха на людей бежала. Думалось,

что ничего страшней и видеть не придется. А вот привелось. Это куда пострашнее. Не город, а целая гора огня, и из нее бегут к Волге бабы, ребятишки, старики. Мечутся по берегу, хоронятся по балочкам (о барахле никто и не думает). Дашь бы ребят спасти.

Мы, повстанцы, в ту ночь крепко поработали. О себе каждый из нас забыл. И под бомбами, под пулеметным обстрелом всю ночь перевозили мы беженцев за Волгу. Да разве всех сразу переправишь? А немец все бомбит. На берег, где население скопилось, налетели его «Миссеры». Они, как коршуны, падали из под облаков, выбирали, где полудней, да из пулеметов по бабам, по ребятишкам садили.

Я перевожу, и сердце у меня рвется на части. Много я на войне повидал, но о таком и думать не приходилось.

День был ясный, чистый—маковое зернышко увидеть можно. И вот эти самые «Миссеры» еще ниже летать стали, и все из пулеметов, из пулеметов по беженцам. А то выберет, где полудней бабы скопились, и в самую середину бомбу и ахнет. Выстрелы, плач, крики. У меня сердце стало тяжелее от злости: что же это вы делаете, сволочи? Нешто это война? Нешто можно так вот по мирным жителям, по бабам, по ребятишкам малым?

Прыгает ко мне на паром старик. Седой, весь в крови. На руках у него двое малышей, один мертвенький, другой еще дышит, но ножки оторваны. Старик совсем обезумел, кричит:

— Ироды!—Потом как рухнет на палубу, как заляется:—Внучки мои, внучки.—А потом опять немцам:—Ироды. Будьте прокляты, ироды, от ныне и до века!—А потом женщину привесли раненую. Умирала она, а ребенка к груди прижимала, и все норовила телом его своим прикрыть от пуль...

Голос у сапера дрогнул, сорвался. Он сделал вид, что поперхнулся крепкой махоркой, и, отвернувшись, укралкой смахнул кулаком слезу. А девушка из медсанбата, затаившись в темном углу землянки, вся окаменела от напряжения. В ее больших голубых, совсем еще детских глазах горел неистовый гнев.

— Ну вот,—оборвал себя сапер,—и еще помню, как вечером немцы зажгли большой паром, на котором ребятишек из детдома вывозили. Стал паром тонуть. С берега, с других пароходов—саперы, матросы, рыбаки на лодках к горящему судну поехали. Стали ребят спасать. А «Миссеры» над паромом кружатся и с пушек, и с пулеметов стреляют—не дают. Ребятишки тонут. Ручонки из воды к нам тянутся. Страшно! Женщина одна молодая, когда паром уже ва бока крепко, прыгнула в воду маленьким в руках. Должно быть, хорошо плавала. Легла на спину, ногами работает, а ребенка руками над водой приподняла. Гребу к ней изо всех сил, а сам кричу:—Подержись, подержись,

милая, сейчас, сейчас! Уже руку было к ней протянул, чтобы маленького взять. Хватъ, тут один «Миссер» над самой головой как червнет, как резанет из пулемета... Камнем сердечная ко дну пошла вместе с ребенком. Только вода в этом месте покраснела.

Сапер вдруг сорвался с повествовательного тона и с ненавистью закричал:

— Разве это люди?! Разве человек это может?!

Тут как-то этих немцев целый гурт пленных провели. На пароме на ту сторону переправляли. Идут они небритые, рваные, как овцы, друг к другу жмутся. Я гляжу на них, и душа горит—может, который-нибудь из них вот по той женщине с ребенком очередь пустил. Не могу я спокойно смотреть на эту нечисть, и до того они мне противны, что снял я от греха винтовку и отдал ее своему товарищу бойцу Сене Буликову:

— Возьми, пожалуйста, боюсь, не сдержусь я.

Перевез я эту погань, пошел к своему командиру капитану-инженеру, доложил по форме: так, мол, и так, прошу откомандировать меня в строевую часть. Нет мне покоя, покада я кровью с немцем не покватаюсь. А капитан-инженер говорит:— Не могу, говорит, я тебя отпустить, потому что ты специалист своего дела и тут нужен. Ну, а уж если тебе хочется пострелять, буду отпускать тебя в свободную смену в город. Фронт рядом, постреляй и к своей вахте назад.

Так вот я теперь и делаю. Ночью одеждурю на переправе, а потом иду на курган, к морякам. Сяду и жду. Мы ведь таежные охотники, я ждать умею. Мимо тоже не промахиваю. И ни разу рука не дрогнула. Сколько уж я их прикончил, а душе нет покоя. Все мне эта женщина с ребенком в воде мерещится. И руки зудят, не могу. Не успокоюсь, должно быть, пока хоть один немец по нашей земле ходит или пока меня самого пуля не найдет.

Сапер замолчал. Немолодой, коренастый, усатый, с глубокими морщинами на лице и на шее—это был типичный русский солдат с какой-нибудь верещагинской картины. И лицо его было в эту минуту суровое, замкнутое, как у человека, который только что дал торжественную клятву.

Я спросил у него его имя, и он ответил просто:

— Фоминых Исаидор Николаевич—боец-понтонер отдельного саперного батальона.

Б. полевой.

Сталинград.

Ответственный редактор
С. Матвеев.

МП—14794. Тип райгазеты „Б. Ф.“
Тираж 3000.